

Эта ночь была слишком смутной, кровавой и пугающей.

Жун Фэн обнимал Бянь Хуна совсем недолго - рассвело, и он поднялся. Осторожно подоткнув Бянь Хуну одеяло, он снова разжёг печи в двух комнатах, вернув дому ночное тепло, а затем вышел во двор разбирать последствия случившегося.

Тела разбойников он не стал хоронить сам - сложил их в одном месте, чтобы позже отправить в уездное управление. А будут ли там затем передавать их в пограничные войска для установления личности и списания - это уже не его забота. К счастью, стояла зима: трупы промёрзли, черты лиц сохранились, так что опознание не составит труда. Но во всём этом он участвовать не собирался.

Снег во дворе был пропитан кровью - алое вперемешку с белым, пятна и разводы. Он тщательно убрал всё до последней крошки. Когда Бянь Хун позже выйдет из дома, кроме нескольких повреждённых в драке вещей, почти ничего не будет напоминать о ночной схватке. Даже тяжёлый запах крови, ещё остававшийся во дворе, зимний ветер выдул без остатка.

После этого Жун Фэн принёс охапку сена для лошади, а затем небольшую миску с картофелем, бататом и сушёными дикими фруктами. Это была награда Иньшуану за ночной подвиг: за то, что помог расправиться с врагом и всю ночь сторожил пленника. Когда Жун Фэн вошёл на кухню, Иньшун сразу же вильнул хвостом, неспешно подошёл и потёрся шеей о хозяина. Рана на крупе, судя по всему, уже не представляла серьёзной опасности, оставалось лишь дожидаться, когда рубец окончательно затянется и поверх него вновь отрастёт густая шерсть, скрыв следы былых увечий.

Однорукий разбойник был связан уже больше часа и успел прийти в себя. Он не раз пытался бежать, но всякий раз, стоило ему лишь шевельнуться, лошадь настораживалась и подбегала, чтобы лягнуть его копытом. Подковы на копытах были новыми, тяжёлыми и твёрдыми; одного удара хватало, чтобы боль тянулась долго. Опасаясь, что его могут попросту забить насмерть, он больше не смел дёргаться.

Лишь завидев человека, он решился на мольбы о пощаде, но тут же увидел, как хозяин дома идёт к нему с ножом в руке. Когда тот подошёл ближе, разбойник разглядел, что один его глаз - голубой, и от этого вид у него стал ещё более пугающий.

Однорукий завопил:

— Не убивай! Не убивай! Меня заставили, я шёл с ними по принуждению! У меня старики и дети на иждивении! Я в армии руку потерял, чудом живым вернулся! Пощади, герой, пощади!

Жун Фэн прислушался - рассказ показался ему смутно знакомым. Не опуская ножа, он короткими, резкими вопросами допросил этого до крайности трусливого человека, и уже через несколько фраз понял всё, что хотел узнать.

Он и впрямь оказался тем самым человеком, о котором говорил дядя из семьи Минь, - выходцем из соседней деревни, недавно вернувшимся с фронта без одной руки. Однако руку он потерял вовсе не в бою с врагом. На самом деле увечье стало следствием пьяной драки и разборок внутри войска: он занимался вымогательством и воровством военных заслуг, сцепился с сослуживцами и был ранен по собственной вине. За это его и отправили домой, почти без всякой компенсации. Став калекой, он ясно понимал: чем теперь жить? Перспектив не было. Поэтому, когда эта шайка военных разбойников тайно вышла на него, он без колебаний согласился примкнуть к ним. Он знал, что те презирают его, но он был им нужен - никто лучше него не знал окрестные деревни и местные порядки.

Жун Фэн нахмурился:

— Откуда ты узнал, где я живу?

— Я... я напоил Ли-саньлана из деревни Шаньюй и, будто в шутку, выведал у него, — заикаясь, ответил тот.

Жун Фэн стиснул зубы. Этот старый пьяница... рано или поздно он ещё прочит его так, что тот запомнит на всю жизнь.

— Хм. И этого всё равно недостаточно, чтобы сохранить тебе жизнь, — холодно продолжил он, усиливая давление.

«Есть ли рыба или нет, сначала закинь сеть», — любил повторять его учитель.

Но однорукий разбойник, как только разглядел у Жун Фэна этот «призрачный» глаз, уже был напуган до полусмерти. Тот, кто слишком много натворил дурного, боится даже стука в дверь, ему чудится, что за ним пришли духи умерших, чтобы взыскать долг.

— Господин... господин, пощадите, не убивайте, — заторопился однорукий. — Я... я знаю ещё кое-что важное.

Жун Фэн раздражённо рявкнул:

— Говори!

Однорукий сглотнул:

— Если я скажу... если скажу, вы меня отпустите?

Лицо Жун Фэна помрачнело. Он взмахнул клинком, и стоявшее рядом толстое полено для растопки разлетелось в щепки.

— Не заговоришь сейчас - кончишь так же, — холодно сказал он.

Осколки дерева ударили однорукого по лицу, по щеке потекла кровь. Он тут же сдался и, больше не осмеливаясь тянуть время, выложил всё как есть.

— Они... они ещё связались с шайкой горных разбойников. Договорились, что через три дня те нападут на несколько деревень, а после этого все вместе уйдут в город!

Жун Фэн внутренне похолодел. Лгать в таком не было смысла: если через три дня разбойники не появятся, этого человека ждала бы ещё более страшная смерть. Значит, даже выдумывая, он бы придумал что-нибудь правдоподобное.

Именно потому, что сказанное походило на правду, оно и пугало.

Теперь Жун Фэн по-настоящему насторожился и начал подробно выпытывать: сколько людей у разбойников, когда именно они собираются напасть, каков их план. Но как он ни давил, больше одноруким ничего сказать не мог. Потому что на самом деле эта шайка военных бандитов вовсе не собиралась объединяться с разбойниками. Им нужно было лишь устроить смуту и отвлечь внимание, чтобы самим, пользуясь хаосом, успеть сбежать в город.

Острый меч навис над этими несколькими деревнями, никто не знает, когда он сорвётся и обрушится вниз.

С мрачным лицом Жун Фэн развернулся и пошёл к выходу. Одноруким бандит, всё ещё не теряя надежды, крикнул ему вслед:

— Добрый человек, так это считается, что я сам явился с повинной? Хоть бы смягчили наказание...

Жун Фэн лишь холодно покосился на него через плечо и хмыкнул про себя: как его наказывать - это ещё вопрос. Всё будет зависеть от того, какую беду они в итоге натворят. Тогда уж решат - четвертовать ли его, разорвав конями, или порубить в мясную кашу.

Но в душе у Жун Фэна было тяжело и мутно. Главные виновники, заварившие эту огромную беду, погибли слишком легко - свалились мёртвыми в снег, и на этом всё. А если дело пойдёт плохо, сколько ни в чём не повинных людей может погибнуть... От этой мысли у него сжималось сердце.

Он как раз выходил из кухни, когда увидел: дверь в жилую комнату приоткрыта, и Бянь Хун уже стоит там. Края его глаз слегка покраснели - кожа тонкая, уязвимая, но выражение лица оставалось спокойным.

Он внимательно посмотрел на Жун Фэна и тихо спросил:

— Что случилось?

Жун Фэн подумал: человек перед ним соткан из противоречий, внутренне разорванный и конфликтный. Порой он бывает до болезненности чутким и уязвимым, чрезмерно идеалистичным, с обострённым нравственным чувством, из-за которого в житейской круговерти ему приходится особенно тяжело.

Но стоит волне чувств схлынуть, и он вновь собирается, становится крепким, возвращается к привычной сдержанности и хладнокровию, продолжая медленно идти вперёд. Тайно рассыпавшись на осколки, он так же тайно собирает себя заново. И когда ты снова обращаешь на него внимание, он уже молча выбрался на берег, вынесенный волнами. Стоит перед тобой, промокший до нитки, поднимает тёмные, почти чёрные глаза и спокойно спрашивает:

«Что случилось?»

В нём есть мощная жизненная сила, о которой он сам, возможно, не подозревает, сила, позволяющая ему оставаться добрым, в каких бы обстоятельствах он ни оказался.

Жун Фэн просто смотрел на Бянь Хуна сверху вниз. Ему хотелось протянуть руку и коснуться его лица, на котором отпечаталась красная полоска от подушки, но он не сделал этого. Он знал, что нужно время.

Бянь Хун задал вопрос и увидел, как Жун Фэн молча смотрит на него. Когда от этого взгляда ему уже стало немного не по себе, мужчина тяжело вздохнул и сказал:

— У нас серьезные проблемы.

— Что?

Когда Жун Фэн подробно, шаг за шагом рассказал обо всём Бянь Хуну, первой его реакцией было немедленно предупредить деревни у подножия гор. Это было не пустяковое дело: если разбойники придут, а люди окажутся не готовы, в живых может не остаться почти никого. Он видел вещи и пострашнее.

Прежде всего нужно было дать старикам, женщинам и детям возможность укрыться в безопасном месте. Даже если случится худшее, это хотя бы спасёт жизни. Затем объединить все силы и дать отпор разбойникам. И, наконец, отправиться в уезд, доложить всё уездному судье, чтобы городская стража вышла из города и начала карательный поход.

Но каждый из этих пунктов был невероятно сложен. Они вдвоём - один, известный в округе как «живой призрак», другой - пришлый человек без корней, беженец с дорог голода и смуты. Поверят ли деревенские их словам настолько, чтобы поднимать тревогу и ломать привычный уклад?

К тому же путь до уездного города занимает целый день, а пока доклад пройдёт через все инстанции и будет дано разрешение на ввод войск, трупы жителей нескольких деревень уже можно будет предать земле.

В конце концов Жун Фэн просто потащил раненого однорукого солдата-разбойника вниз с горы и направился напрямик к домам старост ближайших деревень. А свой жетон стража гор он отдал Бянь Хуну, велел ему ехать в уезд и предъявить знак, чтобы временно запросить военную помощь.

У стражи гор было право координировать действия городской обороны, но большинство нынешних стражей уже давно скрывались в горах и почти не поддерживали связей с чиновничьим миром. К тому же сейчас как раз шёл послевоенный этап сосредоточения и перераспределения военной власти. Малейшая ошибка - и военачальника, поднявшего войска, ждёт наказание по военным законам: самовольное привлечение городской стражи, если оно повлечёт дурные последствия, грозит командиру в лучшем случае разжалованием, в худшем - казнью.

Но попытаться всё равно нужно, хотя надежды почти не было.

Бянь Хун разрывался в сомнениях. Он смутно чувствовал, что у Жун Фэна есть ещё один, глубоко скрытый личный мотив: тот хотел, чтобы он сам держался подальше от этого гиблого места и прежде всего отправился в уезд. Удастся ли занять войска или нет, для Бянь Хуна это означало безопасность и избавление от необходимости вновь браться за нож и проливать кровь.

Но в деревнях и без того жили одни землепашцы. Даже если они и поверят предупреждению и соберутся вместе, чтобы дать отпор разбойникам, сколько среди них найдётся годных к бою? И сколько способных решиться на убийство?

А разбойники нынешних времён - это люди, привыкшие к крови и жестокости. Раз уж и так не на кого положиться, он тем более не мог уйти. Войска занять было необходимо - но уходить самому нельзя. И когда Бянь Хун, меряя шагами двор у ворот, всё никак не мог решиться, молчаливо наблюдавший за ним Яньцю вдруг подал голос:

— Брат Си, может, я пойду?

Яньцю не догадывался о скрытых намерениях Жун Фэна. Его мысли были просты, он не умел так далеко заглядывать. По его разумению, поездка в уезд за войсками обещала быть крайне трудной, иначе брат Си не оказался бы в таком мучительном тупике. Но он получил от них обоих слишком многое. А значит, должен отплатить. Пусть даже ценой собственной жизни, лишь бы дело было доведено до конца.

Но Бянь Хун, не говоря лишних слов, торжественно вложил в руку Яньцю жетон горного стража.

— Яньцю, поедешь на Иньшуане. Его рана почти зажила, он куда быстрее любого пешего пути. Прямоком в лагерь городской стражи. Покажешь жетон, подробно объяснишь чиновникам, насколько всё серьёзно. Теперь всё зависит от тебя.

Яньцю сжал в ладони маленький жетон так крепко, будто боялся его потерять, и решительно кивнул.

— Умеешь ездить верхом? — спросил Бянь Хун.

— Когда дома ещё было получше, у нас водился мул, — ответил Яньцю. — Приходилось ездить.

— Хорошо. Тогда ступай.

У Иньшуана был спокойный нрав, он чувствовал меру и был удивительно понятливым боевым конём. Яньцю взял с собой лишь несколько сухих лепёшек и, не мешкая, взобрался в седло.

Но уже перед самым отъездом Бянь Хун вдруг окликнул его:

— Подожди.

Яньцю обернулся, не понимая, в чём дело:

— Что случилось, брат Си?

Бянь Хун на мгновение заколебался, затем всё-таки вошёл в дом и вернулся с небольшим узелком, из которого вынул простую нефритовую подвеску с кисточкой для ножа. Он вложил её Яньцю в руку.

— Знаешь гору Цинъюнь?

— Знаю, — кивнул Яньцю. — Несколько соседних холмов тянутся оттуда, они соединяются с большим хребтом Мэмэн.

Бянь Хун кивнул:

— Если окажешься в безвыходном положении и другого пути не останется, возьми эту нефритовую подвеску и ступай на гору Цинъюнь. Найди их второго главаря по прозвищу Идао Хун и скажи, что настало время вернуть долг за спасённую тогда на постоялом дворе жизнь.

Яньцю всё яснее ощущал, что брат Си становится для него всё более загадочной фигурой. В нём было нечто такое, что невозможно выразить словами, особая аура, вызывавшая и

восхищение, и почтение.

— Я разузнал о людях в тех горах, — продолжил Бянь Хун. — Их считают «справедливыми разбойниками»: простых людей они не трогают. Бояться тебе нечего. Даже если дело не выгорит, ты, скорее всего, останешься цел.

Но Яньцю ответил твёрдо:

— Не волнуйся, брат Си. Пусть там хоть логово дракона, хоть пасть тигра, через жизнь и смерть я всё равно пройду.

Бянь Хун легко похлопал его по голени:

— Счастливого пути. Возвращайся живым. Ступай.

Он хлопнул коня по крупу, и Иньшуан рванул вперёд быстро, но уверенно. Вскоре и всадник, и конь исчезли на узкой горной тропе, припорошённой лёгким снегом.

Тем временем у Жун Фэна, хоть всё и выглядело сплошным клубком неразберихи, дело в конце концов удалось уладить. Он провёл пленного солдата-разбойника через несколько деревень; в Наньци дядя из семьи Минь едва ли не жизнью всей семьи ручался за Жун Фэна. А когда дошли до деревни Шаньюй, даже Ли-саньлан, руководствуясь принципом «лучше поверить», встал на его сторону.

Хотя он до сих пор помнил, как Жун Фэн однажды избил у них в семье добрый десяток мужчин, и старых и малых, но, пообщавшись с ним ближе, понял: человек он надёжный. Такому можно верить. Ведь если бы дело не было столь срочным, этот «живой призрак» и смотреть бы в их сторону не стал.

А когда дошли до деревни того однорукого солдата-разбойника, вышло и вовсе неожиданно: его не только никто не попытался отбить, но деревенские сами набросились на него с побоями. Даже родной отец не пощадил - бранил, называл нелюдем, кричал, что он связался с чужаками и замыслил грабить и убивать собственных односельчан.

Лишь когда его уже едва не забили насмерть, Жун Фэн вмешался и вытащил его из толпы. Этот человек был ему нужен живым как свидетель, и сейчас умирать ему было нельзя.

Старосты нескольких деревень тоже оказались людьми разумными. В обычные дни они могли где-то потворствовать своим, где-то делать вид, что ничего не замечают, или сглаживать углы, но в решающий момент становилось ясно, почему именно их выбирали старостами. Уговорами и угрозами они собрали всех женщин, стариков и детей, велели взять самое необходимое из имущества и повели их вместе с Жун Фэном в горы. Мужчин же оставили в деревнях - по указаниям Жун Фэна они начали расставлять ловушки на подступах.

Это было скорее не сопротивление разбойникам, а отчаянная оборона безоружного города. Дома нельзя было разрушать: в лютой зимний холод остаться без крова - значит обречь людей на смерть.

Ночь ещё не отступила, когда Жун Фэн повёл несколько сотен стариков, женщин и детей из близлежащих деревень. Спотыкаясь в темноте, по колена в снегу, они двинулись к пещерам у подножия горы Мэмэн, чтобы укрыться там хотя бы на время.

В обычное время эти крестьяне ни за что на свете не осмелились бы войти в горы, но теперь впереди шёл Жун Фэн, и они молча следовали за ним. Старики в душе знали: Жун Фэн - дитя этих гор.

Путь прошёл спокойно: ни одно крупное зверье не вышло навстречу, не потревожило их. Добравшись до пещеры, люди, поддерживая друг друга, протиснулись внутрь. Вход был узким, но внутри оказалось просторно и тихо, к тому же там не гулял ветер. Когда людей собралось много, холод уже не ощущался так остро. У женщин нашлись свои нехитрые способы устроить семьи с малыми и старыми: мужчины впереди готовились встречать разбойников, а женщины в тылу снова собирали дом, пусть временный, но свой.

Однако, не зная, когда именно явятся разбойники, Жун Фэн строго наказал никому не разбредаться и не отходить дальше, чем на сто шагов от пещеры. После этого он развернулся, собираясь спускаться обратно с горы. В этот момент несколько женщин, варивших у входа в пещеру жидкую кашу, переглянулись, помялись и всё-таки окликнули его, почтительно предложив: не хочет ли он перед дорогой выпить горячей каши.

Жун Фэн на мгновение растерялся: с тех пор как Бянь Хун снял с него соломенную шляпу в доме семьи Минь, он и на людях почти перестал скрывать лицо. Теперь на нём была лишь меховая шапка, а глаза безо всякой защиты открыто смотрели на людей. И всё же кто-то осмелился пригласить его к каше.

Он лишь покачал головой и, ничего не сказав, повернулся и ушёл.

Смеркалось. Потайные ловушки вокруг деревень были уже почти полностью готовы. Сами деревни располагались с учётом рельефа, и если разбойники пойдут грабежом, то, судя по тому, как они обычно уносят добычу, первым удар неизбежно примет на себя деревня Шаньюй.

Мужчины в деревне вооружились и распределились по разным направлениям: кто для подстраховки, кто для отсечения путей отхода, кто для отвлекающих действий, кто для обхода с флангов - у каждого было своё место. Окинув их взглядом, Жун Фэн невольно нахмурился: он ведь ещё даже не успел распорядиться, так с чего вдруг эти люди из деревни Шаньюй сами, без подсказки, начали действовать столь разумно?

Ответ нашёлся сразу - стоило ему увидеть худощавую фигуру под заснеженным деревом у въезда в деревню, словно ожидавшую его.

Было холодно. Бянь Хун, стоя на месте, притопнул ногами, растёр зябнущие пальцы и, заметив застывшего мужчину, махнул ему рукой.

— Пойдём, — сказал он спокойно. — Нам вместе туда. Ночью предстоит караулить.

У Жун Фэна сердце заколотилось, глухо и тяжело. Он и сам не знал, от неожиданности это или от радости. Слова застряли в горле, и лишь спустя мгновение он, невольно повысив голос, резко спросил:

— Ты что здесь делаешь?! Я же велел тебе идти в управу, просить городскую стражу!

Покрасневшее от холода лицо Бянь Хуна вдруг озарилось лёгкой улыбкой.

— Я отправил вместо себя Яньцю, — ответил он. — Он пообещал мне, что не подведёт.

Жун Фэну больше нечего было сказать. Он лишь поспешно шагнул вперёд и отвёл Бянь Хуна туда, где было меньше ветра.

— А Юаньдин и Гуаньбао где?

— Тётушка увела их вместе с другими в горную пещеру.

Жун Фэн остановился и, нахмурившись, посмотрел на Бянь Хуна. Тому не следовало снова братья за нож. В памяти Жун Фэна всё ещё ясно жило ощущение того, как вчера Бянь Хун содрогался всем телом, это чувство будто до сих пор оставалось в его объятиях.

Бянь Хун, не обращая внимания на его сведённые брови, лишь опустил взгляд и указал на костяшки его пальцев.

— Когда ты успел пораниться?

Жун Фэн прикинул: должно быть, прошлой ночью, когда одним ударом проломил грудную клетку главарю - доспехи тогда рассекли кожу.

— Перевязать? — спросил Бянь Хун.

Жун Фэн покачал головой.

— Если перевязать, будет неудобно натягивать тетиву.

А он почти не промахивался, в предстоящей схватке с разбойниками это было решающим.

Но Бянь Хун, подумав, вынул маленькую фляжку с согревающим вином, которую староста выдал каждому. С глухим хлопком он вытащил пробку и плеснул вино на костяшки руки Жун Фэна, поливая их несколько мгновений.

Между ними стояла тишина. Быть может, они даже находили в этой тишине особое удовольствие.

А потом началось долгое ожидание. И когда мужчины, продрогшие в холодной ночи, уже начали мелко дрожать от мороза, у края деревни наконец послышалось движение. Всех охватило одновременно напряжение и облегчение: напряжение - от предстоящей схватки с разбойниками, облегчение - от того, что родные успели укрыться в горах.

Жун Фэн сосредоточился, затаил дыхание, его ухо чуть дрогнуло. Словно точно определив нужное место, он рванулся вперёд, чтобы занять лучшую позицию для стрельбы из лука.

Бянь Хун выхватил из ножен изогнутый клинок, и его взгляд последовал за спиной Жун Фэна, стремительно уходящей вперёд. Даже пережив в детстве жестокое обращение, тот всё равно был готов протянуть руку помощи, всё равно оставался верен своему долгу. Он был совсем не таким, каким сам когда-то себя называл - будто бы обречённым сторожить горы и людей, но так и не достигшим ничего.

Его учитель, его мать, его горы и леса уже воспитали в нём настоящего хранителя, достойного стража горы Мэмэн в тридцать шестом поколении.

<http://bllate.org/book/13502/1321705>